

Человек и судьба

Э. Г. Иоффе, доктор исторических наук, профессор БГПУ имени Максима Танка

Видный партийный и государственный деятель БССР Сергей Осипович Притыцкий был избран Председателем Президиума Верховного Совета Белоруссии 22 января 1968 г. и занимал этот пост по 13 июня 1971 г. По Конституции БССР он являлся высшим должностным лицом республики, и хотя должности президента в то время у нас не было, многие за глаза называли Сергея Осиповича «наш президент».

О трудной, трагической и вместе с тем героической судьбе этого человека написаны 2 книги, десятки газетных и журнальных статей, ряд воспоминаний. При жизни С. О. Притыцкого вышли его краткие воспоминания по некоторым периодам жизни.

Казалось, мы знаем о жизни Сергея Осиповича всё. Но, оказывается, до недавних пор имелись неизвестные и малоизвестные страницы его биографии. Именно и главным образом этим страницам посвящена новая книга воспоминаний младшей сестры С. О. Притыцкого — доктора исторических наук, профессора Ираиды Осиповны Царюк «Крутые дороги», которая вышла накануне 2013 г. в минском издательстве «Рифтур». Перед нами не только летопись жизни национального героя белорусского народа С. О. Притыцкого и семей Притыцких-Царюков, но и летопись целой эпохи.

Будучи очевидцем и участником жизни белорусов в условиях межвоенной Польши, И. О. Царюк может смело утверждать, что содержание первой главы книги — это судьба не только её семьи, но и семей П. Волошина, Б. Тарашкевича, И. Добрияна, В. Царюка, П. Железняковича, П. Пестрака, Максима Танка, И. Дворчанина и многих других, с которыми была связана жизнь Притыцких.

Посвятив воспоминания своему брату, его друзьям и соратникам, семьям Притыцких и Царюков, И. Царюк отмечает, что эта книга — итог прожитого и пережитого ею. Важно, что, кроме документальных материалов, она использовала рассказы родных и близких, бывших подпольщиков, партизан Великой Отечественной войны и товарищей по работе.

Мало кому известна трагическая судьба старшего брата С. О. Притыцкого Александра, благодаря которому он стал революционером и подпольщиком. В 1923 г. 18-летний Александр Притыцкий стал членом КПЗБ, а через некоторое время и секретарём подпольного Гродненского, а затем Слонимского окружного комитета партии. Он часто давал читать Сергею подпольную коммунистическую литературу, провёл с ним немало бесед о классах и классовой борьбе.

В 1934 г. при переходе польско-советской границы А. О. Притыцкий был арестован, осуждён и находился в одном из концлагерей в Сибири. После вхождения Западной Белоруссии в состав СССР С. О. Притыцкий во время неоднократных поездок в Москву во всех инстанциях хлопотал об освобождении брата.

В конце 1939 г., находясь в Гаркавичах, он не сказал родным, что делал запросы об Александре в Исполком Коминтерна, на имя Сталина, Калинина. Уже позже родные узнали, что, будучи на пятой сессии Верховного Совета СССР, Сергей Осипович обратился к первому секретарю ЦК ВЦСПС (точнее, первому секретарю ВЦСПС. — Э. И.) Н. М. Швернику (который одновременно был членом Оргбюро ЦК ВКП(б), председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР. — Э. И.), ведущему вопросы национальных отношений. С присущей ему прямоотой и честностью он поставил перед Шверником вопрос: «Я член

полномочной Комиссии, меня выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР, но мой родной брат революционер, коммунист, где-то у вас числится врагом народа. Если ещё жив, то где-то в лагерях. Но в это невозможно поверить. Человек, беззаветно преданный народу, носит клеймо «враг народа».

«Если мой брат, который меня учил, вдохновлял на революционную борьбу — враг, то кто тогда я? Я категорически заявляю: он не враг народа, он всю жизнь боролся в Западной Белоруссии за свободу своего народа. Если вы верите, доверяете мне — поверьте и ему. Нужно его найти и разобраться, что с ним и где он».

Когда Сергей и Ираида готовились к встрече Нового, 1941 г., Ираида Осиповна неожиданно увидела в коридоре какого-то мужчину, который внимательно смотрел на неё, когда она несла дрова. Он молча стоял в полутёмном коридоре возле комнаты Сергея Притыцкого...

Внезапно «незнакомец» кинулся к Ираиде:

— Ирочка, сестрёнка!

И она закричала:

— Санька! Санька!

И только спустя какое-то время, как позже рассказывал ей отец — Осип Притыцкий, — он искал в ящике стола какую-то бумагу и нашёл «Справку, выданную Притыцкому Александру Осиповичу в том, что он освобождён из места заключения».

После освобождения А. О. Притыцкий работал председателем колхоза. Девятого марта 1942 г. по доносу старосты деревни Гаркавичи 9 коммунистов, подпольщиков расстреляли нацисты. Среди них было трое Притыцких — Александр и его двоюродные братья Иван и Леонид.

А теперь перенесёмся в 1938-й год. Именно тогда в связи с возникшим в условиях культа личности Сталина, но, как впоследствии было установлено, оказавшимися необоснованными подозрениями в широком проникновении в ряды руководящего партийного актива вражеской агентуры, Исполком Коминтерна принял решение о роспуске Коммунистической партии Польши. Это стало тяжёлым ударом, нанесённым польскому коммунистическому движению в

наиболее ответственный момент — нарастающая угроза нападения немецко-фашистских захватчиков на Польшу.

В 1956 г. 5 братских партий (КПСС, Итальянская коммунистическая партия, Болгарская коммунистическая партия, Коммунистическая партия Финляндии и Польская объединённая рабочая партия) в совместном заявлении признали роспуск КПП в 1938 г. необоснованным, вызванным фальшивыми обвинениями. Была очищена от клеветнических обвинений память Коммунистической партии Польши, реабилитированы все её руководители и выдающиеся деятели, павшие жертвой провокационных обвинений.

Многих исследователей жизни и деятельности С. О. Притыцкого волнует вопрос: «Как ему удалось восстановиться в рядах Коммунистической партии после того, как Коммунистическая партия Польши была распущена?». Ответ на этот вопрос можно найти в книге «Крутые дороги»: «12 мая 1941 года Бюро ЦК КПБ (точнее, КП(б)Б. — Э. И.) рассматривал вопрос о бывшем члене КПЗБ С. О. Притыцком. Распущенная в 1938 г. КПЗБ ещё не была реабилитирована. Уже позже я узнала, что вопрос о приёме в партию бывших членов КПЗБ хотя и решался тогда, но очень медленно, трудно».

В 1939 — начале 1940 года Серёжа обращался к Пономаренко с вопросом о рассмотрении дела о КПЗБ и КПП. К нему ездили П. Финдлер (точнее, П. Финдер — будущий генеральный секретарь Польской рабочей партии (ППР). — Э. И.), М. Навотко (точнее, М. Новотко — будущий генеральный секретарь Польской рабочей партии (ППР). — Э. И.), Ст. Вербловский, А. Лямпе, Регина Каплан — бывшие руководящие работники Компартии Польши и Западной Белоруссии с аналогичной просьбой. Пономаренко уклонился от переговоров о восстановлении их в партии, сославшись на решение Коминтерна. Тогда А. Лямпе, С. Захорьян и Регина Каплан поехали в Москву, в Коминтерн. Они добились приёма у Димитрова (председателя Исполкома Коминтерна. — Э. И.) и Мануильского (секретаря Исполкома Коминтерна. — Э. И.). Однако это были пустые хлопоты. Все недоумевали: что это? почему? кто даст ответ? И Ванда Василевская (писательница, дочь одного из лидеров Польской

социалистической партии, жена писателя А. Корнейчука, депутат Верховного Совета СССР. — Э. И.) решила обратиться к Сталину с письмом, в котором всё подробно изложила и просила помочь. Сталин вроде бы отнёсся с глубоким пониманием. После этого была создана Комиссия по изучению и принятию решения о членстве в партии бывших коммунистов Западной Белоруссии, и вопрос был решён положительно. Некоторые бывшие узники польских тюрем были приняты в члены КПБ (точнее, КП(б) Б. — Э. И.). Им были выданы партийные билеты и восстановлен партстаж. Так, 12 мая 1941 г. по предложению этой комиссии был восстановлен в партии и Серёжа, и его партийный стаж был восстановлен с декабря 1931 года...

После всех мытарств, комиссий в 1940—1941 гг. восстановили членство в компартии только 12 человек. Передо мною документ — постановление Бюро ЦК КПБ (КП(б) Б. — Э. И.): "...утвердить решение комиссии ЦК КПБ (КП(б) Б. — Э. И.) о переводе Притыцкого в члены КПБ (КП(б) Б. — Э. И.) с зачислением партстажа с декабря 1931 года с перерывом с 1938 года по май 1941 года". После реабилитации КПБ и этот перерыв будет снят.

В 5-м томе «Энциклопедии истории Беларуси» (Минск, 1999) в краткой биографической справке о Притыцком говорится: «У вер. 1939 у час германа-польскай вайны вызвалены з турмы. Пасля вызвалення Зах. Беларусі выбраны дэпутатам Нар. сходу Зах. Беларусі. На 5-й сесіі Вярх. Савета СССР П. як член Паўнамоцнай камісіі Нар. сходу Зах. Беларусі выступіў з заявай пра ўключэнне Зах. Беларусі ў склад СССР і ўз'яднанне яе з БССР. У 1939—41 нам. Старшыні Беларускага аблвыканкама».

Автор рецензируемой книги И. О. Царюк акцентирует внимание читателей на том, что в первое утро сентября 1939 г. заключённые равичской тюрьмы, среди которых был Сергей Осипович, вырвались на свободу. Когда Притыцкий вместе с руководителями Компартии Польши, которые сидели в этой тюрьме, добрались до Варшавы, их ждало горькое разочарование, потому что к этому времени Варшава пала. Тогда вместе с товарищами он ушёл дальше на восток. Не

далеко от Минска-Мазовецкого Притыцкий впервые увидел красных кавалеристов.

В Белостоке, который в то время стал центром Западной Белоруссии, подчёркивает И. А. Царюк, находились представители Компартии, правительства Беларуси, командование воинских частей, освобождавших наши земли. Туда прибывали из тюрем и подполья бывшие политзаключённые, руководители партийных и комсомольских организаций Западной Белоруссии.

В своих воспоминаниях народный писатель Беларуси Михась Лыньков писал, что в сентябре 1939 г. он был редактором газеты Белорусского фронта «Белорусская звезда» и по делам газеты находился в Белостоке. За Белостоком стояли немецкие войска. Каждый день через город пробирались на восток сотни, тысячи беженцев из Польши. Приходили и большие группы политзаключённых. С одной из них пришёл и Сергей Притыцкий. Измождённый тюрьмой, голодом, дорогой, одетый в какие-то обноски — что-то тюремное, а что-то с чужого плеча, он был взволнован, растроган встречей со знакомыми, с красноармейцами, советскими людьми.

Что же сказал Сергей Осипович своему бывшему преподавателю по партийной школе Михасю Лынькову? «Если бы вы знали, товарищ Михась, какой я счастливый теперь человек! Какой счастливый!». Вскоре С. О. Притыцкий был назначен заместителем председателя Белостокского облисполкома. Именно в Белостоке он встречался с первым секретарём ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко, который познакомил его с главой правительства БССР К. В. Киселёвым.

В третьей главе книги «Крутые дороги» под названием «Новая жизнь», пожалуй, самые интересные страницы (218—221) связаны с так называемым Белорусским делом, или «Делом Притыцкого», которое относится к 1950—1951 гг. Так случилось, что первый секретарь Гродненского обкома партии С. О. Притыцкий мог стать очередной жертвой тогдашнего министра госбезопасности БССР Лаврентия Цанавы.

В связи с этим И. О. Царюк подчёркивает: «Стоило Притыцкому покритиковать отдельных работников органов МГБ, возразить против назначения кого-то из

этой организации на работу, как началась травля. Уже пошли записки в адрес бюро ЦК КПБ (точнее, КП(б)Б. — Э. И.) о совершенно неблагоприятном положении в области, следовательно, нужно снимать с работы Притыцкого. Были в составе Бюро ЦК близкие помощники (точнее, соратники, друзья. — Э. И.) Цанавы, которым авторитет, принципиальность и объективность Притыцкого были не по душе.

Секретарь ЦК КПБ (КП(б)Б. — Э. И.), Н. С. Патоличев в заключительном слове на июльском пленуме 1959 г. (точнее, 1953 г. — Э. И.) ЦК Компартии Белоруссии говорил: “Я думаю, что очень многие товарищи помнят, как неоднократно на Бюро ЦК Цанавы, Козлов и Абросимов оказывали давление, требовали снятия Притыцкого с работы”.

Уже в 80-е годы (XX века. — Э. И.), будучи на пенсии, Н. С. Патоличев вспоминал: “Цанавы вручил мне записку о “подпольной контрреволюционной деятельности Притыцкого в Польше”. Всё, что было известно о героическом подвиге Притыцкого во время суда над комсомольцами, представлялось в другом свете, расценивалось как провокационные действия, направленные на то, чтобы способствовать разгрому коммунистической партии Западной Белоруссии.

Положение оказалось очень затруднительным, ведь документ подписан министром госбезопасности. Как потом стало известно, Цанаву пытались убедить, что Притыцкий не мог быть польским шпионом, ведь власть “той” Польши приговорила его к смертной казни через повешение. Цанавы возразил: “Но не повесили же! Значит, дали задание шпионить”. Такая вот “железная” логика. А дальше эта логика говорит, что раз шпион — арестовать. А как? Ведь он депутат Верховного Совета, а значит, нужно согласие Президиума этого Совета. А зачем согласие Президиума? Достаточно согласия его председателя. И согласие В. Козлова было получено.

...Патоличев срочно приглашает Серёжу к себе в Минск, решается вопрос о переводе его в аппарат ЦК КПБ (КП(б)Б. — Э. И.). Так Притыцкий становится зам. зав. общим отделом ЦК. Фактически его сняли с работы, но снова сохранили ему жизнь...

Те, кто тайно или явно готовил расправу, были вынуждены отступить, после того как Сталин, который не мог не учитывать

авторитет и популярность Сергея Осиповича в партии и народе, произнёс фразу, решившую его судьбу: “Притыцкого мы знаем, не трогать его, он слишком популярен”.

В чём главная ценность книги Ираиды Царюк «Крутые дороги»?

Во-первых, в её правдивости и объективности. Через все воспоминания красной нитью проходит стремление их автора к истине, какой бы горькой она ни была.

Во-вторых, в воссоздании малоизвестных и неизвестных страниц истории Коммунистической партии и комсомола Западной Белоруссии.

В-третьих, на фоне истории своего родного края, борьбы белорусского народа за социальное и национальное освобождение в Западной Белоруссии, героизма в период Великой Отечественной войны, самоотверженного труда в послевоенные годы И. О. Царюк удалось воссоздать правдивый и довольно полный портрет одного из самых видных и талантливых политических и государственных деятелей Белоруссии С. О. Притыцкого.

Отмечая многочисленные достоинства воспоминаний «Крутые дороги», хотелось бы высказать некоторые пожелания (надеюсь — для второго издания).

Во-первых, в обращении «От автора» следовало было бы назвать наиболее глубокие, существенные публикации о С. О. Притыцком.

Во-вторых, избежать ряда неточностей и опечаток, допущенных в данном издании. Некоторые из них уже отмечены мною.

Кроме того, следует писать «Абрасимов», а не «Абросимов», «Ганенко», а не «Гоненко» (на с. 219).

Реабилитация КПП и КПЗБ произошла в 1956 г., а не в 1957-м (с.148).

К. В. Киселёв в 1938—1940 годах был председателем Совета Министров БССР, а не министром иностранных дел Белоруссии (с. 127, 221).

И. О. Царюк создала ценную, интересную и нужную книгу, в которой правдиво и объективно воссоздан образ национального, народного героя белорусского народа Сергея Осиповича Притыцкого. Надеюсь, она будет востребована широким кругом читателей, особенно учёными-историками, учителями истории и студентами исторических факультетов Беларуси.